

О многозначности и омонимии имён собственных*

О.Е. Вороничев

В статье излагаются аргументы в пользу существования таких важнейших системных лексических отношений, как многозначность и омонимия в сфере функционирования собственных имён, рассматриваются основные типы ономастических омонимов и обосновывается целесообразность включения соответствующей информации в школьный курс лексикологии.

Ключевые слова: лексика, многозначные слова, омонимы, ономастика, имена собственные.

В школьном курсе русского языка неправомерно упускается из вида, что полисемия и омонимия охватывают не только нарицательные имена, но и сферу ономастики (этим термином, напомним, принято обозначать как совокупность личных имён в языке, так и раздел языкознания, изучающий собственные имена [1,

* Научный консультант – доктор филол. наук, доцент *Е.В. Огольцова*.

с. 288]). Для того чтобы у школьников сформировалось объективное представление о лексической системе языка, необходимо давать им пусть рационально дозированную методистами, но всё же научно достоверную информацию. В частности, на наш взгляд, вполне доступны для языкового сознания учеников и полезны для расширения их лингвистического кругозора сведения о том, что собственные имена, как и нарицательные, бывают многозначными и тоже, хотя и в меньшей степени, состоят в системных лексических отношениях: омонимических, синонимических и даже паронимических.

Хрестоматийное представление о том, что собственные имена в отличие от нарицательных «только называют объект, но не выражают никакого понятия» [3, с. 97], давно обветшало. Ещё Л.В. Щерба не сомневался в том, что «имена собственные, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла» [9, с. 278]. Анализируя факты ономастики, следует учитывать, что семантика онима (имени собственного) единична в речи – при соотношении имени с конкретным объектом, но в достаточной мере обобщена в языке (это сближает собственные имена с нарицательными, например: *Иван* – русское мужское имя), что, безусловно, не исключает возможности употребления обобщённого значения онима в речи (*хотел назвать его Иваном*) и закрепления его конкретного значения в языке (*Ломоносов, Волга*) [6, с. 188].

Собственные имена могут быть однозначными, если они используются для обозначения единичных объектов действительности (например, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*) и неоднозначными. Последние, в соответствии с основным принципом лексико-семантической дифференциации, могут быть разделены на ономастические полисеманты и ономастические омонимы.

Ономастическими полисемантами называются собственные имена, имеющие более чем одно лексическое значение. Многозначность имени собственного имеет в целом ту же лингвистическую природу, что и

полисемия имени нарицательного. Так, новые значения у антропонимов (собственных имён людей) чаще всего возникают в результате метонимического переноса с называемого лица на его произведение: *читать Лермонтова*; на его изображении: *получить Георгия, Александра Невского* (об орденах) и т.д. В романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» встречаем три значения собственного имени *Агамемнон*: 1. Царь Аргоса, предводитель ахейских (греческих) войск во время Троянской войны. 2. Персонаж оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена». 3. Актёр, исполняющий эту роль. *Актёры усердно смешили публику: она особенно хохотала, когда Колхас, достав из будки суфлёра три стаканчика водки, угостил царей Агамемнона и Менелая, а затем они трое акробатически ловко и весело начали плясать трепака.*

В сравнительно редких случаях собственное имя как лексема может быть представлено окказиональным (индивидуально-авторским, не общеязыковым) ономастическим значением. Например, в том же романе М. Горького топоним *Азия* употребляется не только в известном значении ('часть света, смежная с Европой'), но и в суженном окказиональном – 'юг азиатской части России; то же, что Средняя Азия': *А выселить лишок в Сибирь али Азию не хватает смелости.*

Под **омонимией** имён собственных принято понимать применение одного языкового знака к предметам разных ономастических полей [8; 5; 2], т.е. омонимами в ономастике признаются случаи совпадения в звучании и на письме слов-представителей различных ономастических классов: антропонимов и зоонимов (*Мишка, Васька* – разг. варианты мужских имён и кличек животных); антропонимов и топонимов: *Лена, Владимир* (имена людей и названия реки и города); топонимов и зоонимов: *Волга, Амур* (названия рек и клички лошадей или собак); мифонимов и астрономов (значения терминов см. [4]): *Юпитер, Венера, Марс, Меркурий, Нептун* и др. (имена древнеримских аналогов древнегреческих богов и названия планет Солнечной системы)

и т.п. Для обобщённого наименования такого рода оппозиций логично использовать термин «**ономастические омонимы**». Внутри этого класса лексических единиц с тождественным или сходным планом выражения в первую очередь следует выделить **омоантропонимы** – совпадающие в звучании и написании имена (включая фамилии и отчества) людей.

Причисление к омоантропонимам тех или иных собственных имён с тождественным планом выражения объективно осложнено отсутствием универсальных критериев разграничения полисемии и омонимии. Спорным остаётся прежде всего лексический статус имён, входящих в одно терминологическое поле (ономастический класс). Одни исследователи относят такие факты к полисемии [2, с. 17–19], другие – к омонимии, поскольку считают, что собственным именам полисемия «принципиально не свойственна» [7, с. 292]. Исходя из того что лексическое значение имени собственного в речи является как бы видовым по отношению к его значению в языке [5, с. 61], можно согласиться с компромиссной точкой зрения, что многочисленные имена (включая фамилии и отчества) тёзок – *Иван, Мария, Сергей Петрович, Толстой, Тургенев* и т.п. – следует признавать омонимами на уровне речи, поскольку в ней актуальна конкретная информация о называемом объекте (лице). Следовательно, в речи лексические значения «одинаковых имён окажутся разными, т.е. омонимичными: Иван (Грозный) – русский царь, Иван (Карамазов) – персонаж романа Ф.М. Достоевского и т.п.» [6, с. 192]. При этом, как нам представляется, каждый омоантропоним имеет по меньшей мере две степени конкретизации в речи. Например, имя *Олег (Вещий)* в произведении А.С. Пушкина, во-первых, обозначает известное историческое лицо; во-вторых, главного героя стихотворения «Песнь о вещем Олеге». Однако эта двухступенчатая семантическая конкретизация, отличающая объект-носитель данного имени от всех других объектов-носителей имени *Олег*, противопоставлена общей (языковой) семантике 'имя человека,

лица мужского пола'. Можно согласиться с тем, что на уровне языка это и другие собственные имена мужчин или женщин логично признать многозначными словами, так как «с точки зрения языковой семантики одно имя в применении к разным лицам – одно и то же слово» [6, с. 191].

К омоантропонимам также следует отнести характерные для разговорной речи случаи совпадения сокращённых разговорных интимно-фамильярных вариантов полных имён мужчин и женщин: *Саша* (ср.: *Шура, Саня*), *Валя, Женя, Паша, Сима* и т.п. Члены оппозиций типа *Женя* (м.р.) – *Женя* (ж.р.) должны быть признаны омонимами, а не формами или значениями одного слова, поскольку грамматический род у имён существительных – несловоизменительный признак. Вместе с тем фонетико-графические совпадения имён с фамилиями (*Тома* – уменьш.-ласк. от имени *Тамара* и *Тома* – фамилия известной актрисы Светланы Тома; ср.: *Сергий Радонежский* – *Светлана Ильинична Сергий*) логично признать уже **омоформическими антропонимами**, поскольку в таких случаях имена людей совпадают с неспособными к формоизменению оппозитивными фамилиями только в именительном падеже.

Большую группу омоантропонимических оппозиций образуют лексические единицы, которые в диахроническом плане следовало бы квалифицировать как функционально-морфологические омонимы. Это оппозиции производных от существительных-имён людей притяжательных прилагательных на *-ов/-ев-, -ин/-ын-* (*Фёдоров¹, Дмитриев¹, Васин¹* и др.), имеющих разговорно-просторечную окраску, и наиболее распространённых русских существительных-фамилий (*Федоров², Дмитриев², Васин²* и т.п.), этимологически возникших в результате субстантивации соотносимых притяжательных прилагательных. Ср.: *Ларионова¹ дочка* (притяжательное прилагательное, образованное от *Ларион* – разговорного варианта мужского имени Илларион) – *очаровательная Ларионова²* (фамилия известной актрисы Аллы Ларионовой).

Помимо названных классов лексических единиц к омоантропонимам, безусловно, следует отнести личные имена, которые образованы от разных производящих основ, в соответствии с чем они имеют принципиально различную семантику и маркированы как омонимы в словаре: *Георгина*¹ (производное от мужск. имени *Георгий*) – *Георгина*² (по названию цветка *георгин*); *Рем*¹ (имя с лат. корнем, восходящим к мифониму *Remus* (букв. 'весло') – один из братьев-основателей Рима) – *Рем*² (аббревиатура сочетания *революция мировая*) и по аналогии: *Ренат*¹ (от лат. *renascor* – 'возродившийся') – *Ренат*² (из подвергшегося сокращению сочетания *революция, наука, труд*) и т.п.

По аналогии с омоантропонимами в особые разряды ономастических омонимов могут быть выделены **омо-топонимы** как омоопозиции названий географических понятий, относящихся к разным классам, например: *Конго* (река и государство), *Воронеж*, *Нарва*, *Истра* (названия городов и рек); **омозоонимы** как омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам: *Рыжий* (кот и пёс), *Зорька* (корова и лошадь), *Машка* (коза и свинья), *Васька* (кот и поросёнок) и др.

Семантическими особенностями многозначных и омонимичных имён собственных во многом определяются их лингвостилистические свойства. Если сравнивать индексы стилистической значимости, то в большей мере ею, безусловно, обладают ономастические омонимы, поскольку каламбурное столкновение лексических единиц, относящихся к разным семантическим классам, более контрастно, следовательно, создаёт большую экспрессию.

Ономастические омонимы могут выступать, например, в роли лексических доминант (ключевых слов) каламбурного заголовка газетной статьи: *В городе на Волге «Волг» генерал не признавал* (МП, 12.05.07). Здесь паронимическую аттракцию создают нетождественные формы (П.п ед.ч. и Р.п мн.ч.) ономастических омонимов, относящихся к принципиально разным по семантике типам собственных имён: топо-

нимам (точнее, к **потамонимам** – названиям рек как подклассу **гидронимов** – названий водоёмов) и **порейонимам** – названиям средств передвижения.

С помощью омоантропонимов могут быть созданы контрастные юморобразующие поля в анекдотах:

Заходит Медведь в ресторан, а в нём большая очередь. Медведь сел за столик, ждёт полчаса, час – не обслуживают. Смотрит – появляется Заяц, садится за столик. К нему сразу несколько официантов прибежали и вмиг обслужили. Медведь взревел:

– Позвать сюда директора!

Приходит директор. Медведь рычит:

– Я целый час сижу – не обслуживают, а Заяц только явился – ему сразу всё несут. Это что за порядки у вас?

– А как твоя фамилия?

– Топтыгин!

– А у зайца – Косыгин!

В этом анекдоте, обличающем советскую ресторанную систему обслуживания, в качестве лексико-стилистической основы комизма используется омонимия подлинной и окказиональной фамилий. Последняя (фамилия зайца) образована от переносного названия *косой*, но ассоциативно сближается с широко известной в брежневскую эпоху фамилией председателя Совета Министров СССР. Без такой ассоциации последняя фраза анекдота не создавала бы комического эффекта. Формально фамилия зайца *Косыгин* противопоставляется фамилии медведя *Топтыгин*. Фактически же противопоставляется фамилия чиновника высшего ранга, омонимичная созданной для данного контекста фамилии зайца.

Примером удачного каламбурного столкновения ономастических антропонимов в эпистолярном жанре может служить отрывок из письма А.С. Пушкина П.А. Вяземскому от 7 ноября 1825 г. В этом письме Пушкин тонко обыгрывает полисемию слова *отец* в сочетании, казалось бы, с одним и тем же именем собственным: *«Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо – да сжёг. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения»*. Здесь при повторном употреблении

имени *Евгений* оно выступает уже как омоантропоним в составе перифразы с имплицитным компонентом: отец «*Евгения (Онегина)*».

Гораздо чаще, чем собственно ономастическая омонимия (оппозиция двух и более омонимических онимов), в художественной, разговорной и, особенно, публичной речи обыгрывается омонимия имён собственных и нарицательных. Так, в газетных заголовках журналисты охотно применяют каламбуры, основанные на обыгрывании антропонимов или (реже) топонимов и других классов собственных имён, омонимичных нарицательным или созвучных им. Для создания такого рода каламбуров могут быть использованы следующие варианты языковой игры:

1) созвучие онима и апеллятива (обыгрываемого нарицательного слова): *Найденный Найдёнов* (ВМ, 28.04.04), *Броня Броневого* (МК, 17.12.03), *Лихо по фамилии Ли Хо* (СС, 17.07.07);

2) оним вместо апеллятива или апеллятив вместо онима: (о боксере Рое Джонсе) *Рой снова жалит* (СС, 16.04.07), *Комиссар катания* – *Татьяна Тарасова* (ВМ, 26.02.07);

3) словообразовательная трансформация онима: (о тренере Валерии Газзаеве) *Красно-синяя машина снова ГАЗЗУЕТ* (МК, 14.08.07), (от имени Г.Х. Андерсен) *ГАНСтерская САГА* (МК, 02.04.05);

4) лексический повтор онима или апеллятива: *Намедни закрыли «Намедни»* (ВМ, 24.12.04); «*Столица*» *для столицы* (ВМ, 17.12.04);

5) деление онима на значимые апеллятивные части: «*ТЭ*» *сказали «ФИ»*. *Единой ТЭФИ больше нет* (МК, 17.03.07), (апеллятив – Наполеон) *Когда пришёл на поле он* (АиФ, 2002, № 12).

Таким образом, как собственно ономастические омонимические оппозиции, так и, в ещё большей степени, омонимические оппозиции имён собственных и нарицательных обладают немалым семантическим потенциалом для языковой игры.

В заключение следует подчеркнуть, что в данной статье обзорно рассмотрены только самые общие аспекты двух тесно взаимосвя-

занных проблем: точного определения лексико-семантического статуса имени собственного и размежевания ономастических полисемантов и омонимов. Однако проанализированных нами фактов ономастики, имеющих не только собственно лексическую, но и очевидную лингвистическую значимость, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что онимы вовсе не лишены понятийного содержания и потому не могут оставаться вне сферы лексической парадигматики. Следовательно, изучение семантики собственных имён, адаптированное для учащихся не только среднего, но и начального звена, вправе стать органической частью школьного курса лексикологии.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.

2. Введенская, Л.А. От названий к именам / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1995.

3. Касаткин, Л.Л. Русский язык; в 2-х ч.; ч. 1 / Л.Л. Касаткин, Л.П. Крысин [и др.]; под ред. Л.Ю. Максимова. – М.: Просвещение, 1989.

4. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978.

5. Привалова, М.И. Собственные имена и проблема омонимии / М.И. Привалова // Вопр. языкознания. – 1979. – № 5.

6. Рублёва, О.Л. К проблеме омонимии, синонимии и полисемии имён собственных / О.Л. Рублёва [и др.] // Омосемия и омография в естественных машинных языках: сб. науч. тр. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986.

7. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Л.: Наука, 1973.

8. Суперанская, А.В. Апеллятив – онома / А.В. Суперанская [и др.] // Имя нарицательное и собственное; АН СССР; Ин-т языкознания / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1978.

9. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Олег Евгеньевич Вороничев – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Брянского государственного университета, г. Брянск.